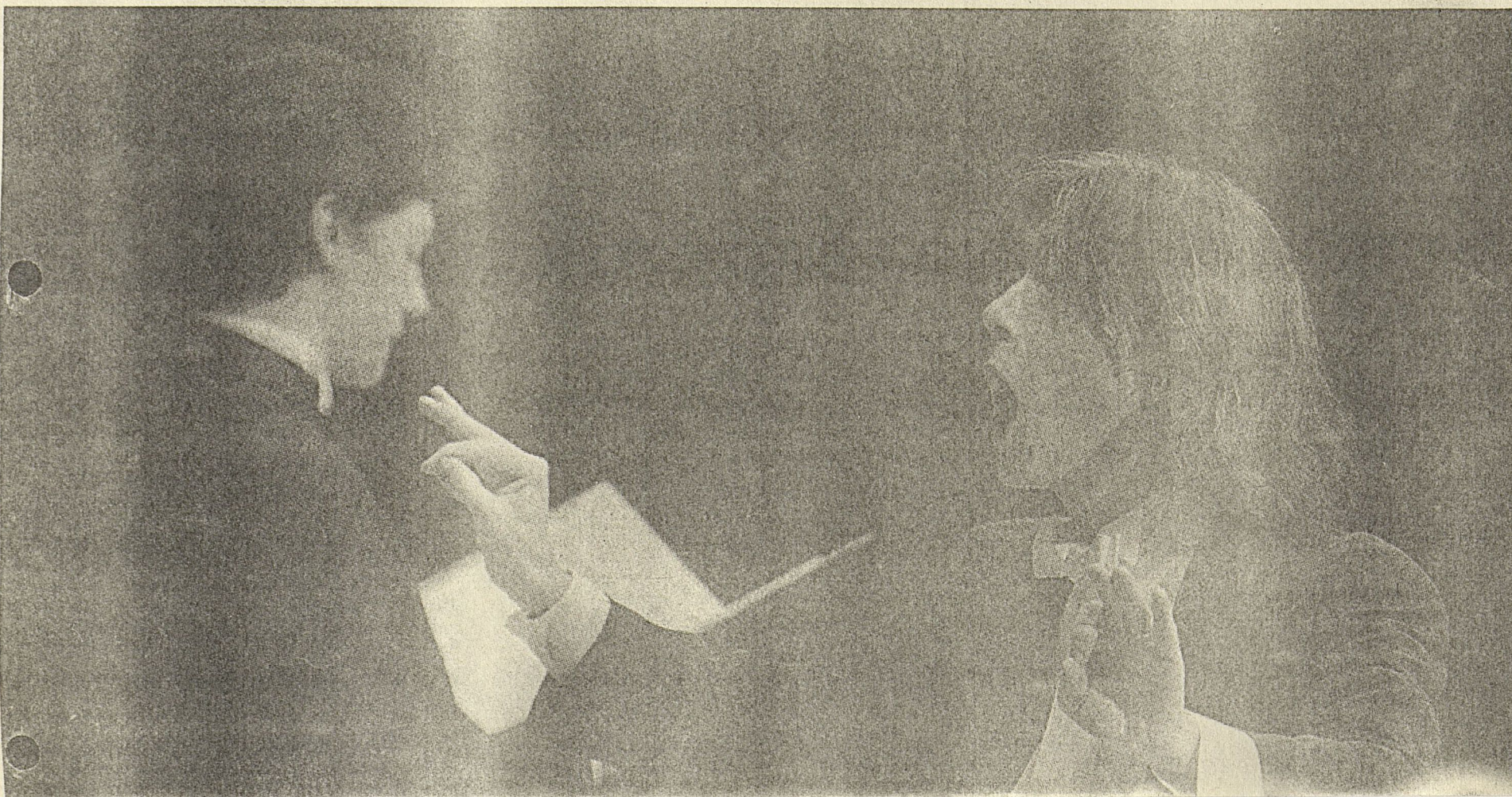

104.03.

Российский национальный Бах

Кент Нагано продирижировал Мессой си-минор

концерт классика

Нагано Кент

1 18

В Мессе Баха си-минор маэстро Нагано открывал рот гораздо правильнее любого из солистов ФОТО СЕРГЕЯ МИХЕЕВА

Коммерсантъ, 8. - 2003 - 1 апр. - с. 21

В Московском доме музыки всемирно известный дирижер **Кент Нагано** второй раз продирижировал Российским национальным оркестром (РНО) в качестве члена его новообразованной дирижерской коллегии. Под его руководством Месса Баха си-минор могла стать событием исторического масштаба. Но дело подпортили солисты. Рассказывает **ЕЛЕНА ЧЕРЕМНЫХ**.

Глава берлинских симфоников и фаворит оперного Зальцбурга Кент Нагано придумал для москвичей, еще не остывших от воспоминаний о февральской «Фантастической симфонии» Берлиоза в Большом зале консерватории, продолжение — Мессу Баха си-минор в Доме музыки. Продолжение весьма интригующее, и вот почему.

Несмотря на 50-летний возраст и славу Кента Нагано, его репертуар на Западе целиком и полностью ограничен предписаниями музыкальной индустрии. Его надоедливо и небезосновательно рекомендуют спецом современной музыки. В этих рамках играть что-то, не соответствующее цеховой разрядке кассового дирижера с имиджем вечногo первооткрывателя, вечногo мальчика, вечногo эзотерика, конечно, непозволительно. Другое дело — Мос-

ква, чистая terra incognita: с одной стороны, здесь основательно подзабыты все базовые интерпретации баховской музыки (от Клемперера до Караяна), с другой — и с позднейшими аутентичными версиями Баха (типа Джона Элиота Гардинера) здесь тоже как-то несчастливо разминулись.

По началу исполнения — ровному, как из тюбика выдавленному хоровому Kurgie Eleison — легко угадывалось отнюдь не вегетариански-бесплотное отношение Нагано к Баху. Мессу, написанную в год смерти Августа Сильного (1733), Бах посвятил Фридриху Августу, снискавшему симпатии современников, в частности, покровительством искусства. Общеизвестно, что в Мессе протестант Бах приправил ортодоксальный католический канон живейшими, в духе протестантизма вставками из светских кантат. Арии и дуэты здесь — вольнодумцы в сакральном гриме; оркестр (чего стоят праздничные рулады труб в Gratias) — что музыкальный тротил, взрывающий готику церковного жанра. Хор же доводит буйства полифонического гения Баха до излишеств, аналогичных только еще одному церковному гению всех времен — Палестрине.

Поделенная аккуратно пополам — 12 номеров до антракта и столько же после, эта

музыка постепенно обрела под руководством Нагано вполне сибаритски-прямые ароматы. Круто взбитый коктейль двух хоров (камерного хора Владимира Минина и хора шнитковского института) с оркестром лился плавно и достаточно аккуратно. Глянцевая фразировка грешила разве что диким сверхнапряжением горл и мышц — чтоб не разошлись полифонические пласты, чтоб не сбился пульс органного continuo, порой-таки нервно застывавшего раньше оркестра.

Конечно, нехватка соответствующей исполнительской практики то тут то там обнажала кости. Так, Laudamus подпортила концертмейстерская скрипка Алексея Бруни, чьи избыточные vibrato в дуэте с сопрано сбивали и без того еле слышный голос Виктории Смирновой. А в другом дуэте — Domine — одышливая флейта, казалось, вот-вот разойдется с сопрано Яны Иваниловой. Но все бы ладно, если б не чудовищный кастинг солистов, подобранных явно наспех и явно не для этой музыки.

Каждый их номер стоил маэстро Нагано, наверное, пряди седых волос. Уверенно держа штурвал оркестрового управления, на выходах солистов Нагано рисковал выпустить его из рук. Он всем телом разворачи-

вался к певцам и всеми возможными жестами рисовал им контуры исполняемой музыки. Но все вокальные соло звучали в лучшем случае как деревяшки. В худшем — как пародии: в теноре Михаила Губского пародировалась певучая русская манера, в меццо Елены Буланьковой — выход двоичницы на уроке сольфеджио.

Редкое удовольствие — визиты заезжих знаменитостей — РНО пытается сделать в Москве системными, и это похвально. Для приглашенного ими к сотрудничеству Кента Нагано здесь тоже неплохие шансы: он пробует свои силы в том, чего в других местах и с другими исполнителями сделать не может. Хотя персональная московская программа Нагано пока еще туманна, в нехватке действий, нацеленных на ликвидацию местного репертуарного дефицита, его уже трудно упрекнуть. Зато легко упрекнуть за пущенный на самотек выбор солистов, уподобивших его первого русского Баха даже более печальному описанию, чем сделанное в свое время Рихардом Вагнером: «Посмотрите на эту голову в бессмысленном французском парике, на этого мастера, который скитается по мелким городишкам и исполняется так, как-будто в ноты его вписали какую-то глупую косицу».